

поезд» будет извлечен из опрага и, сильно побитый, поставлен на свои прежние рельсы, нужно постараться, чтобы Россия и впредь продолжала двигаться и развиваться в том же направлении. Но и в, в каком она развивалась в течение предыдущих веков. На этот раз, однако, пришлось бы принять очень суровые предохранительные меры, чтобы хотя теперь гарантировать процесс нормального развития России от нового вторжения в него «иноземцев» и «оголтелых» всех разновидностей — часто даже профессоров, но с интеллектуальным уровнем и историческим инстинктом аптекарского ученика.

К этому следует прибавить, что, повидимому, наиболее удачной реставрацией в истории следует признать английскую, при которой англичане действовали, примерно, по указанному мною рецепту. В самом деле, как бы основательно ни был уничтожен исторический строй, — его воспоминания все же живут в народном сознании — и в устной традиции, и на полках библиотек, и в памятниках старины. Поэтому всякое, даже несовершенное, его воспроизведение все же ближе народному правосознанию, нежели любой из продуктов индивидуального политического творчества.

д-р фил. Н. А. Реймерс.

9 февраля 1939 г.
Париж.

Н. ГАЕВ.

Власть, как общественное явление

...Кто из человекoв знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? (Коринф. Ап. Павла, 1-е, 2-10).

При изучении общественных вопросов мы всегда, в конце концов, упираемся в явление власти. Ее сложная иррациональная природа путает тщательно установленные законы общественных отношений, опровергает самые, казалось бы, обоснованные выводы и заставляет заново переделывать вполне добросовестные труды. Напомним, что марксизм провалился на вопросе о власти. В учебниках права глава о власти бывает обыкновенно весьма мало содержательной и недостаточно разработанной. Даже русские эмигранты, на себе испытавшие всевозможные режимы и «прижимы», все еще судят о формах власти больше на основании смутных симпатий и антипатий, чем реального знания. Появление новых «тоталитарных» режимов только содействует обострению вопроса. Все это позволяет нам надеяться, что работа в данном направлении, как бы скромна она ни была, не будет излишней.

Стихийный характер явления власти.

Существует необходимость для людей жить друг с другом и существует необходимость добывать средства к жизни. Люди зависят от при-

роды и от общества. Там же, где есть необходимость и зависимость, есть всегда и власть.

Если я зависим от природы, значит я нахожусь под властью природы, если я завишу от людей, значит я нахожусь под властью людей. И природа, и люди нужны человеку, чтобы жить. Значит, власть вытекает из необходимости жить, и кто соглашается жить, тот обязательно будет или подчиняться, или властвовать, а вернее, и то, и другое вместе.¹⁾

Следовательно, зависимость, а с нею и власть, есть такая же неустранимая сила природы, такая же стихия, как и сама жизнь, как буря, как сила воды.

И такие выражения, как «безвластие», или «отмирание власти», или «народовластие» показывают или непонимание, или недоговоренность.

Власть всегда есть и будет «отмирание власти» — пример марксистского беспочвенного теоретизирования; и никто никогда еще вразумительно не объяснил, в чем заключается истинное народовластие. Народ, как таковой, всегда ищет права, но не власти. А всякая власть, будь то выборная или авторитарная, чтобы властью стать и властью себя осознать, должна прежде всего себя из народа выделить и народу себя противопоставить.

Все дело в том, что человеческий ум либо справляется со стихиями, либо с ними не справляется, заставляет их служить себе, или не может заставить. Человек не справился с наводнением — вода размывает поля и топит людей; человек не справился со стихией власти — она разливается по всей стране, захватывается самыми сильными, жадными, бессовестными, жестокими, — получается «охлакратия», но не «безвластие».

И как реку можно ввести в свои берега, отвести лишнюю воду, запрудить плотинами и заславить вертеть турбины, так и общую массу власти можно разделить на отдельные ручейки, разбить по ступенькам иерархии, ограничить народным контролем и подчинить закону или, что то же, системе, в которой конкретизируется «общественный разум» — понятие отвлеченное и все же действенное. Это будет то, что называется правовым государством.

Но и здесь народ не властвует. Нет. Закон, это — только плотина, защищающая общество от наводнения, т. е. от произвола властвующих и подвластных, — она преграждает и направляет течение, т. е. устанавливает систему и порядок процесса властвования и подчинения.

Народные же представители, это — только сторожа на плотине, поставленные воплотившимся в законе общественным разумом. А сила, а власть — вот она перед ними, всегда бурлящая, всегда снова готовая вырваться на свободу.

Власть не у народа, власть и народе и над народом. Она в необходимости, она в зависимости, которым народ подчинен, и она в воле личности, власть осуществляющей. Народ носит с собою власть, как неизбежность, как наследственность, и он носит ее с собою, как средство проявления своей силы и могущества.

Власть — стихийная сила. Молиться на власть — значит идолопоклонничать. Стихия покоряется разумом. Вся беда в том, что это — сила

¹⁾ «Гражданин это тот, кто частью повинуется, а частью сам повелевает.» Аристотель.

внутри нас». Значит, пока есть у нас на то возможность, нужно рассуждать и изучать, дабы потом не дрожать и не подхалимничать.

Источники власти

Итак, можно уничтожить всякую систему управления, расстрелять всех городских, перерезать всех «буржуев», разрушить все фабрики и заводы, — народ все равно останется подчиненным кулаку сильного, уму умного и власти своего желудка. Из этих первоначальных зерен подчиненности неизбежно вырастет новая система управления и новая организация производства. Таков закон необходимости.

Но, с другой стороны, всякая власть осуществляется и проявляется через личность. Правит не идея власти, правят люди. Властвование есть простое расширение человеческой личности и основное проявление человеческой воли. Я — яти — имати — иметь — владеть — властвовать, так утверждает себя человеческая личность. Свободная воля личности овладевает общественными силами, движущими массы, точно так же, как она овладевает и всякими иными силами природы.²⁾ Личность утверждает свою свободу, овладевая свободой и силой других. Таков закон свободы.

Следовательно, власть происходит из двух источников: с одной стороны, из слепых сил необходимости и зависимости, с другой, — из свободной и разумной воли личности. Но из тех же самых источников происходит и обратная сторона власти — подчиненность. Существует не только воля к власти, существует и воля к подчиненности, вызываемая сознанием зависимости.

Поэтому, чтобы охватить интересующее нас явление полностью, необходимо рассматривать власть и подчиненность, как единый общественный процесс, создающийся исторически на протяжении веков развитием семьи в общество и государство и создающийся в каждый данный момент взаимодействием приращенных свойств личности и свойств общества, т. е. взаимодействием единства и многообразия, свободы и необходимости, разума и природы, силы и воли.

Если бы государство, как таковое, могло говорить, то на вопрос, что такое власть, оно бы ответило: «Власть, это — моя свобода жить, действовать и распоряжаться внутри меня и моя сила, свобода и безопасность во вне меня», и вопрос был бы решен.

Но отдельный человеческий мозг, зная всю сложность явления власти, не может удовлетвориться таким ответом: он стремится познать самую сущность власти, установить ее причины, найти ей оправдание. Поэтому мы прибавим: власть, как общественное явление, происходит из волевого стремления личности к самоутверждению за счет внешнего мира, с одной стороны, и из общественных сил, создаваемых зависимостью людей от природы, от общества и от государства, с другой. Взаимодействие свободной воли одной и сознания зависимостей других и создает власть, делая ее самой общественной силой, и создает разделение на правящий отбор и управляемых. Естественное различие способностей, сил, знаний и опыта между людьми способствует этому разделению.

²⁾ «Свободная воля есть практический разум, влияющий на внешний мир». (Гегель. Философия права.)

Власть — реальная свобода.

Установив, что власть проистекает из взаимодействия общественной силы и правящей воли, мы сейчас же и спросим: а что такое взаимодействие силы и воли?

Каждый человек обладает силой физической и умственной и обладает волей. Имея волю, человек хочет, имея силу, человек может.

Воля человека свободна и имеет общую цель — осуществить и утвердить свою свободу во внешнем мире.³⁾

Для осуществления этой цели у нея есть только два способа: или овладеть и пользоваться силой, или отказываться от самоутверждения. Рассмотрим первое.

— Свободна ли птица, выпущенная из клетки, но разучившаяся там летать? Свободен ли каторжник, выпущенный из тюрьмы, но безнадежно потерявший там свое здоровье?

— Формально — да, реально — нет. Птица, разучившаяся летать, не полетит. Каторжник, потерявший здоровье, останется прикованным к своей койке. Чтобы формальная свобода обратилась в реальную, нужно иметь силы ее использовать. Формальную свободу, как возможность, воля превращает в живое ощущение, в желание, в намерение, в цель. Сила же исполняет, реализует, конкретизирует.

Воля дает силе свою свободу, сила дает свободе свою реальность. Свобода без силы — пуста, сила без свободы — импотентна. Реальность свободы и силы — в их взаимодействии. Взаимодействие силы и воли создает реальную свободу.

Например, взаимодействие силы мотора и воли шофера дает реальную свободу передвижения. Но невозможно стать хорошим шофером, если править машиной, как чем-то чуждым и посторонним. Если вы хороший шофер, вы чувствуете все тело автомобиля, как свое собственное. Лавируя, вы избегаете чужие машины, как бы боясь сделать самому себе больно. Связанные общей инерцией, вы срастаетесь с вашей машиной какой-то нервной, почти органической, связью.

Тогда только машина отвечает вам тем же и доверчиво отдает всю свою упругую силу. Нажимая на акселератор, вам уже кажется, что вы напрягаете собственные нервы и собственные мускулы, — уже ваша собственная сила ветром мчит вас вперед, и мотор, как большое мощное сердце бьется уже в вашей груди. Вы испытываете чудесное ослепляющее чувство, что стали сильнее на десять, двадцать или сорок лошадиных сил. Вот, что такое взаимодействие силы и воли. Ослепляет не скорость, а сила. В поезде хоть и при ста километрах в час вы сохраняете полное хладнокровие.

На простом примере шофера и его машины мы можем себе представить, что такое взаимодействие воли промышленника и его производительных сил, воли главнокомандующего и силы его армии, воли монарха и силы его страны, т. е. мы поймем, что такое власть.

И точно так же взаимодействие воли любого человека и силы его ум,

³⁾ Цель свободной воли — в осуществлении своей свободы во внешнем мире. Это есть философия и этическая философия. Герберт Философия права.

знания, ремесла, таланта превращается в реальную свободу осуществления, создания, творчества.

Всякая сила на земле, будь то нравственная, умственная, машинная, денежная, физическая, личная, общественная, национальная, в руках у человеческой воли служит для производства новых моральных, материальных, личных, общественных, национальных и всяких иных ценностей и, тем самым, для утверждения человеческой личности на земле, т. е. для власти над землей. Властвование есть основная форма самоутверждения личности.

И чем больше силы, которыми человек управляет, тем острее ощущение жизни, тем больше сознание своей мощи и свободы. Для человека свобода есть сила и несвобода — бессилие. Именно способность делать чужую, часто непокорную, враждебную силу своею и вознесла человека на престол царя природы. Ощущение своей силы и есть ощущение власти.

«Я царствую! Покорна мне, сильна моя держава,
В ней счастье и честь моя и слава!»

Так гений поэта почувствовал восторг обладания силой золота.

Общественная и материальная зависимость людей создает их подчиненность — силу, и материал для овладения. Воля и личное самоутверждение других людей создают правящий отбор и его власть над подчиненными. Два противоположных свойства человеческой природы, вкладываясь одно в другое и дополняя одно другое, создают единый общественный процесс властвования и подчиненности. Власть общественная в своем частом виде и есть одушевленная свободной волей общественная сила, т. е. реальная свобода властвующего.

Власть, народ и государство.

Человечество в своем развитии, так же, как и всякая масса, обладающая внутренней присущей ей энергией, подчиняется законам соотношения целого и его частей. Законы эти аксиоматичны и не требуют доказательств.

Всякое целое делится на части. Государства суть части человечества и, в то же время, они замкнутые в себе целые, которые в свою очередь делятся на части — горизонтально (классы общества) и вертикально (общественные организмы: церковь, администрация, аппарат производства, распределения, просвещения и т. д.).

Чтобы составить целое, части должны не только стоять друг около друга, но и противостоять друг другу. Государства стоят друг около друга и противопоставляются друг другу, притягиваются и отталкиваются, — сотрудничают и борются. Взаимодействие противоположных сил создает устойчивость и равновесие в движении. («Европейское равновесие» — публицистический термин и предмет постоянных забот дипломатии). Поэтому во внешней политике так мало морали и разума и так много «реального соотношения сил». Всякая вновь нарождающаяся сила вызывает к жизни другую, ей противостоящую. Разрядом является война — «свежая и радостная».

Целое больше части. Личность всего навсего есть часть государства и, как таковая, подчинена ему и жертвует собой для общего. Но дело

усложняется тем, что и общество и государство суть результат прироченных душевных и телесных свойств и потребностей личности и созданы в процессе их удовлетворения. Поэтому личность имеет право и основание утверждать, что в конце концов, не личность существует для государства, а государство для личности. И, кроме того, всякое реальное целое есть часть чего то, а всякая часть в известном смысле есть целое. Личность тоже есть замкнутое в себе и, притом, мыслящее целое и, как таковая, больше и общества и государства. Государство и общество, как идея и представление, есть только часть (и весьма малая) всего идейного богатства личности. Поэтому, если государство больше личности, как его части, то личность, как мыслящая и волевая единица, вмещает в себе и общество, и государство, и всю вселенную. Сама личность есть целая вселенная и потому до конца в государстве неразделима. Так возникает противоречие личности и государства. Однако противоречие это, хоть и реально, но поверхностно. Более глубокие законы общественной жизни разрешают его и превращают в гармонию, заставляя противоположные мотивы, побуждения и силы действовать в одном направлении.

С одной стороны, в извечной борьбе государств между собою вся жизнь личности, все ее существование связано и зависимо от единого народного целого. Личный, семейный и национальный инстинкт самосохранения заставляет ее сливаться с общей народной силой и подчиняться ей. Постоянно возрождающиеся связи физиологические — начало кровного родства, постоянно умножающиеся связи экономические — начало производства и распределения, постоянно крепнущие связи духовные⁴⁾ — начало умственного и нравственного развития действуют в том же направлении, сбивая индивидов в тесные общественные организмы. Сюда прибавляется естественная приспособляемость человека, привязанность, привычка к условиям жизни, родному языку, родной атмосфере, климату, средствам существования, к которым самый организм его, в конце концов, оказывается лучше приспособленным, нежели к каким либо другим. И в том же направлении действует способность свободной воли не только на самоутверждение, но и на самоотрицание, на самоподчинение, даже на самоуничтожение, на самоубийство. Направляясь в эту сторону, воля приходит к самопожертвованию по мотивам религиозным, по мотивам патриотическим, ради Родины, ради семьи, ради близких, т. е. ради общих целей. То, что возникает, существует и содействует семейной, общественной и государственной жизни человека, отражается в его сознании, как должное. Отсюда самопожертвование ради долга. Так возникает крепчайшая связь и зависимость человека от общества и государства, и так возникают всевозможные общественно-духовные организмы, из которых государственные — только самый крупный и всеобъемлющий.

Но, с другой стороны, где есть зависимость, там есть и власть. И всякий организм нуждается в порядке и систематичности следования процессов, происходящих в пространстве, занимаемом этим организмом, и во времени, отпущенном на его существование. Сверх того, всякий общественный организм нуждается в единстве самосознания.

Порядок и система в пространстве и времени называются организацией, всякая же организация, в том числе и государственная, требует своего

⁴⁾ Проф. Тарановский. Энциклопедия права.

возглавления, требует «дирижерской палочки», как выражается проф. Н. Н. Алексеев⁶⁾

Эту власть, это возглавление, эту дирижерскую палочку, а также и единство самосознания, доставляет обществу и государству воля самоутверждающейся личности, образующая правящий отбор.

Возникает ли правящий отбор самозарождением, или призванием, или утверждается силой оружия при завоевании одной нации другой — безразлично; важно то, что он существует везде, даже и в демократиях.

Государственное возглавление наводит систему и порядок в процессах, стихийно зарождающихся в народном организме, укрепляет связи административные, экономические, военные, культурно-национальные. Процесс его властвования располагает народный организм по качественному признаку, т. е. в виде иерархической лестницы власти и подчиненности, образуя единое, мощное национальное целое. От имени национального целого власть распоряжается личностью, как его частью, в общих целях, требуя ее труда, требуя ее денег и, когда нужно, требуя ее жизни. Таков двусторонний процесс становления и бытия общества и государства, который и преодолевает личную обособленность.

Основными результатами этого процесса является, во 1-х, то, что индивидуальная распыленность и множественность превращается в государственную спаянность и единство; во 2-х, каждая подчиненная личность чувствует: за собою всю колоссальную мощь единого народного целого — результат и компенсация ее подчиненности. То, что личность теряет в свободе, она выигрывает в силе, порядке и безопасности жизни общей. То, что она сохраняет в свободе для жизни личной, обеспечено ей ее правом. Если власть есть реальная свобода властвующего, то право есть необходимое условие реальной свободы подчиненного.

Наконец, в результате исследования этого процесса, мы начинаем понимать двустороннюю природу явления власти, которая из реальной свободы властвующего становится реальной свободой и безопасностью всего народа среди враждебных сил.

В самом деле, мы уже говорили о значении власти для личности. Жизнь человека, это — власть над материей, над вещами, над животными, над силами, над стихиями, над людьми, над идеями, над духом, над собственным вниманием. Без власти, хотя бы над собственным телом, нет человеческой личности.

Но то, что недостижимо для личности, достижимо для группы лиц. То, что недостижимо для группы лиц, достижимо для общества или для народа в целом. Но ни группа лиц, ни общество, ни народ в целом не существовали бы, не могли бы ни сплотиться, ни организовать, если бы их не пронизывало явление власти.

Материальный интерес, национальная обида, голод, солидарность, безработица — все это только побудительные причины. Организующее же и творческое начало есть власть.

Власть организует стремление к насыщению, организует жадность — и создает хозяйства, фабрики и предприятия.

Организует страх и патриотизм — и создает армии. Организует любовь к отечеству и народную гордость — и ведет войну.

⁶⁾ Н. Н. Алексеев. Теория государства.

Власть духовно-религиозная организует мистицизм и веру в Бога — и создает церковь.

Власть политическая организует чувство справедливости — и создает суд. Она же организует общественный разум и создает законы.

Верховная власть организует все остальные власти в стране — и создает политический, экономический и административный аппарат.

Одним словом, власть организует народ и создает государство.

Ни наука, ни техника, ни образование, ни прогресс не имели бы ни значения, ни движения, ни просто напросто общественного бытия без организующей силы власти.

Больше того. По своей активной сущности, власть ставит цели, бросает лозунги, организует общественное мнение и ведет народ к его судьбе, хотя бы заботилась она при этом только о самой себе.

Показательным примером может служить Сталинская власть в России. Цепляясь за власть, как за единственное спасение, Сталин принужден укреплять административные и военные связи между частями государства. Этим он облегчает свой контроль за всеми, но зато предохраняет страну от распада. Создавая мощный административный и полицейский аппарат, заботясь о техническом снабжении армии, он больше думает о собственной безопасности, но усиливает тем самым сопротивляемость страны против иностранных поплзновений. Усиливая собственную власть всеми способами, он удовлетворяет, конечно, в первую очередь, свое властолюбие, но предохраняет народ от междоусобицы.

Ясное дело, если бы на месте Сталина сидел человек, прямою целью которого была бы польза страны и народа, а не его драгоценной персоны, он добился бы того же с меньшими затратами народных сил, с лучшими результатами и менее свирепыми методами, но это уже другое дело.

Определение власти.

Резюмируя все изложенное, мы теперь можем вывести полное определение власти, хотя и в общих выражениях.

Власть, как общественное явление, возникает из взаимодействия двух факторов: свободной воли личности, с одной стороны, и сознания зависимости всех от природы, от общества и от государства, с другой. Поэтому, власть есть общественная сила, обладающая двусторонней природой: будучи основной формой самоутверждения личности в обществе (в виде правящего отбора), она являясь в то же время основным средством становления и самоутверждения всякого общественного и государственного организма.

Таким образом, власть, как будто, не нуждается ни в каком оправдании — она носит в себе свою добродетель. Однако, есть проявления власти, которые в оправдании очень и очень нуждаются, есть и такие, которые ничем оправданы быть не могут. Очевидно, все должно иметь свой предел и свою меру.

Теперь, чтобы проверить себя и, может быть, пополнить упущенное, познакомимся с достижениями политической и философской мысли по вопросу о власти. Вот несколько мнений и определений ученых авторитетов.

— Государственная власть есть воля юридической личности государства. (Эма Гбс, XVII в.).

— Власть, это — неотъемлемый и неделимый суверенитет народа. (Ж.-Ж. Руссо.)

— Власть, это — голова государства. (Он же.)

— Власть есть соединение сил отдельных лиц в одну общую силу (force). (Монтескье.)

— Власть есть воля, происходящая от Бога, которая решает и действует для сохранения общества. (Бональда.)

— Верховная власть, исходя от Бога, выражая собою Бога, — абсолютна. (Де-Мэстр.)

— Властитель — такой же человек, как и другие, только более богатый. (Гэллер.)

— Государство есть соединение множества людей под законами права, поэтому власть есть судья над всеми, а закон, это — общая воля — веление всех каждому и каждого всем. (Кант.)

— Власть — воля, сама себя направляющая к целям и сознательно ограничивающая себя правом. (Иеринг.)

— Власть есть общественная сила, вытекающая из сознания зависимости индивидов. (Проф. Коркунов.)

— Власть есть высший порядок, которому лицо должно подчиняться. (Чичерин.)

— Власть есть первая потребность государства. (Он же.)

— Власть есть господство одних людей над другими, господство принудительное, обязательное, независимое от согласия подвластных. (Проф. Тарановский.)

— Общественная власть есть коллективная сила. Правительство — оравляющий шпиг и мститель меч; определяющее право мерило и бодрствующее око. (Прудон.)

— Правительство — необходимое зло. (Сен-Симон.)

— Власть есть господство имущих. Государство, это — организация классового господства и классового принуждения. (Маркс.)

— Государство, это — дубинка в руках правящего класса. (Ленин.)

Один мой добрый приятель очень упорно мне доказывал, что власть есть возможность приказывать и больше ничего. С той точки зрения, с которой он увидел власть, он прав; конечно, власть есть возможность приказывать. Однако, спросим, имел ли Петр Великий власть над стрельцами, которых казнил на Красной площади? — Конечно, имел. А приказывал ли он им чтонибудь?

— В этот момент ровным счетом ничего, — он, просто напросто, рубил мятежные головы собственной царской рукою. На этом основании я буду утверждать, что власть есть ни что иное, как возможность наказывать неповинующихся. Ктонибудь третий скажет, что власть есть возможность издавать законы, а Кант утверждал, что власть есть судья над всеми. Следовательно, нельзя определять власть ни через ее возможности, ни через ее функции, т. к. они растяжимы до бесконечности, — власть нужно определять по ее сущности и по ее принадлежности к тому или другому роду явлений.

Из всех вышеприведенных суждений о власти наиболее продуманными мне кажутся суждения Иеринга и Коркунова. По Иерингу, власть, это — воля, ограничивающая себя правом. По Коркунову — общественная сила, вытекающая из сознания зависимости. Каждый из них обладает полови-

ной истины, т. е. полная истина будет в определении, дающей результат взаимодействия воли и общественной силы. Наше определение охватывает все явление власти целиком и дает его, как противоречивый общественный процесс, имеющий свое начало в самой природе человеческой личности.

Демократичность и авторитарность,

Итак, мы выяснили, как явление власти разрешает противоречие обособленной личности и государства. Но, как раз там, где мирятся подчиненная личность и государство, начинается конфликт «суверенного» народа и личности правящей. Кому должна принадлежать верховная власть, т. е. последнее решающее слово, — народу или фактическому носителю власти? Здесь начинается труднейший спор между демократичностью и авторитарностью. В настоящее время этот внутринациональный спор принял форму грозной борьбы за гегемонию над миром двух блоков держав, из которых один блок называет себя демократическим, а другой — авторитарным или даже «югиталитарным».

Спор между демократичностью и авторитарностью в двух словах не решается, тем более, что каждое государство решает его для себя и, притом, не теоретически, но борьбою сил, влияний, зависимостей и воли, и в разное время — по разному.

Нам нужно предварительно изучить причины переходов от демократии — к плутократии и анархии, и от авторитарности — к «югиталитарности», а также типы и формы верховной власти, их зарождение и особенности, чтобы смочь сказать что либо дельное по этому поводу. Начнем с изучения самого корня противоречия.

Проистекая из общественной и материальной зависимости всех, власть есть достояние общее (источник власти — народ) — и потому должна быть демократичной.

Но проявляясь и осуществляясь через личность, власть есть достояние личное (источник власти — воля личности) — и потому должна быть авторитарной.

Двойственное происхождение власти несомненно. Отсюда двойственная природа власти, ее конфликт себя с самой и с народом. Отсюда противоречивость ее целей. Ближайшая цель власти, как силы в руках правителя, есть утверждение его воли среди людей. А ближайшая цель власти, как общественного достояния — иметь порядок внутри и быть сильной во вне. Спрашивается: как сделать общественную цель волей правящего?

Этот вопрос резюмирует сущность спора о суверенитете и вместе с тем раскрывает перед нами назначение конституции и законов. В самом деле, первый ответ, который приходит в голову, это — указать властвующему, что он должен делать и чего не должен, посредством конституции.

Поэтому, формулирует ли закон обязанности правящих лиц, учреждений и простых граждан, указывает ли права и привилегии, налагает ли взыскания за их нарушение, — он систематизирует процесс властвования и подчиненности и имеет своим назначением: во 1-х, сделать общественную цель волей правящих; во 2-х, сделать общественную цель волей управляемых; и в 3-х, разграничить власть правящих и право управляемых.

Но закон — мертвая буква. Для его исполнения, опять таки, нужны

воля и усилие, им проникнутые. И вопрос сохраняет всю свою остроту, меняя только формулировку: как сделать закон волей правящего? Как например, заставить Сталина исполнять его собственную конституцию?

Драма демократии.

Совсем недавно еще демократы были откровенно и гордо уверены, что они не только знают метод, как заставить правительство стремиться к общественной цели и исполнять законы, но знают и саму общественную цель, вечную, святую, действительную для всех стран, времен и народов, а т. е. метод логически вытекал из цели, то и он приобретал ту же святость и нерушимость.

Цель эта — в лозунге: свобода, равенство, братство; затем, в декларации прав человека и гражданина; и, наконец, в Кодексе Наполеона, подводящем под всю эту идеологию материальную базу — частную собственность.

Метод: передача всей полноты верховной власти народу, т. е., фактически, пародному большинству, и — свободно избранные народные представители, выделяющие из своей среды правительство и его контролирующее.

Была большая правда в демократической формуле, именно, — в части, касающейся личной свободы и частной собственности. Она дала возможность личности добиваться ее реальной свободы и тем обеспечила огромное экономическое развитие и расцвет машинной цивилизации в капиталистической системе.

Однако, давно уже зрело сомнение в применимости этой формулы для всех стран, времен и народов. Признаки, зарождавшие сомнение, были: во 1-х, то, что верховная власть, порученная большинству, фактически оставалась беспризорной и бывала немедленно узурпирована партийной, денежной и, кое-где, военной олигархией; во 2-х, то, что официальное правительство с ограниченной властью, окруженное рогаками недоверия, оказывалось не в состоянии справиться со стихийными экономическими процессами и классовой борьбой; в 3-х, то, что во время войны демократический порядок спешно приходилось менять на диктаторский; и, в 4-х, то, что, несмотря на присутствие конституций, составленных по классическим образцам, некоторые страны никак не становились образцовыми республиками, но упорно возвращались к диктатуре.

Все эти зловещие признаки демократов несколько не разубеждали, пока не случился невероятный казус: большая культурная страна, великая европейская держава, вдруг, среди бела дня, совершенно добровольно и, притом, демократическим путем свободного голосования, отказывается от демократии. Сама же демократия отказывается от свободы, отказывается от равенства, отказывается от интернационального братства и сажает себе на шею фюрера с неограниченной властью, т. е., буквально, кончает самоубийством.

В чем дело? Значит, свобода для личности не абсолютная ценность? Значит, демократические методы самоуправления не для всех соблазнительны?

Чтобы понять процесс глубже, посмотрим, как пафосу демократии отвечает пафос гитлеровской удирлики.

— Наша цель, говорит он, не личная свобода и не личная инициатива, но коллективное действие и коллективная сила под руководством фюрера. Зачем мне личная инициатива, если в капиталистической системе ее негде применить? Зачем мне формальные демократические свободы, если с ними нечего делать?

— Мне нужна не возможность действия, а само действие, не безработица, а работа, не пособие безработному, а заработок. Зачем мне свобода выбирать или быть избранным, если фюрер меня призывает к разрешению огромных экономических и политических задач Германии? Зачем мне свобода верить в Бога, или в Маркса, или во что угодно, если я, в сущности, ни во что так не верю, как в собственную силу и в силу Германии? Почему я должен подчиняться интернациональной plutократии, если нами создана наша национальная автократия? Зачем мне ваше равенство, если я имею мое арийское превосходство? — Наше счастье — не в свободе, а в интенсивной жизни. Наша гордость — не в богатстве, а в коллективном прогрессе. Наше стремление — не эгоизм, а величие и слава Германии и фюрера... и т. д.

Так отвечает: самоутверждение национальное самоутверждению частно-капиталистическому, в которое демократия превратила все святые слова о свободе, равенстве и братстве. Для нас, русских, эти идеологии — «два сапога — пара» — одна другой стоит. Под всеми их громкими словами — одна сущность: самоутверждение за чужой счет. Различны только средства: у одних — деньги, у других — пушки.

Но нам нужно извлечь все уроки из этих событий. Европа хорошо поучилась на русском опыте. Поучился и мы на европейском. Тем более, что уроки весьма обильные.

Во 1-х, это — лишнее нам напоминание, что верить нужно не в интернациональные идеологии, а только в национальный интерес и, притом, в свой собственный — русский, имперский.

Во 2-х, обнаруживается обстоятельство, которого основатели демократической доктрины очевидно не знали: власти в стране в конечном итоге оказываются ровно столько, сколько сознания зависимости — ни больше, ни меньше. Значит, никакие конституционно-демократические ограничения количества власти в стране не уменьшают и количества свободы не увеличивают; они уменьшают только действительность обще-государственной власти. Иначе говоря, увеличить личную свободу можно только увеличивая материальные силы, средства и возможности личности, но никак не уменьшая действительность центральной власти. Всякая свобода должна иметь под собою солидную материальную и силовую базу, иначе — грош ей цена.

Германия могла наслаждаться всеми свободами Веймарской конституции, однако, немцы предпочли подставить шею гитлеровскому яму. Почему? — Уязвленное национальное самолюбие, капиталистический производящий безработица и анархия, надвигающаяся коммунистическая опасность при сознании своей демократической роли и бессилия породили у немцев острое сознание зависимости от государственной организации. — У немцев острое сознание зависимости от государственной организации. — И новая власть получила в полном соответствии сознанию зависимости: Гитлеровский правящий отбор имеет власть политическую, имеет власть экономическую и, соответственно доверию народному, имеет власть духовную — всю «тоталитарность» власти.

Оно и понятно. Была бы зависимость, а власть то будет. Была бы сила — будет и дубина. Увеличивается опасность войны, заговорит инстинкт самосохранения — увеличивается сознание зависимости от армии и государства: появляется военный диктатор. Развилась капиталистическая система, источники существования монополизированы — увеличивается зависимость от капитала: появляется власть буржуазии. Развилось религиозное чувство, заговорит мистицизм — увеличивается власть церкви, появляются новые секты, плодятся шарлатаны, эксплуатирующие легковерие. Чем здесь поможет конституция? Вот почему Южно-Американские страны называются республиками, но не вылазят из диктатуры.

Есть весьма умные и ученые люди, упорно мечтающие сделать из России демократическую республику. Спрашивается: измерили ли эти люди сознание зависимости русского мужика? Соответствует ли русский характер демократическому индивидуализму? Знают ли они благосостояние русского человека — материальную базу под его будущими демократическими свободами? Взвесили ли военную опасность, постоянно висящую на наших границах? Одним словом, уверены ли они в том, что условия существования русского народа требуют демократического самоуправления на всех ступенях иерархической лестницы, а не отвергают? — Нет. Ничего подобного они не знают, ничего не мерили, ни о чем не подумали. Студентами поверили они в демократическую доктрину и, вопреки всем урокам истории, вопреки просто здравому смыслу, строили русскую демократию во время Германской войны, т. е. как раз тогда, когда нужна была вся полнота авторитарной власти, чтобы принудить русский народ dotерпеть, дострадать войну и вырвать недалекую уже победу. Тем самым эти люди довели Россию до Сталинской диктатуры и умрут со спокойной совестью, всеми уважаемые за верность доктрине, за политическую деятельность, за научные заслуги...

Драма диктатуры.

Там, где кончается драма демократии (смертью демократии), начинается драма диктатуры.

Всякой власти свойственно расширять и углублять свою действительность до крайних пределов, т. е. личности, ее осуществляющей, свойственно проявлять и утверждать себя максимально, ибо таково ее жизненное назначение.

Иначе говоря, правящий усиливает зависимость подчиненного и тем усиливает свою власть. Так Сталин проводит коллективизацию деревни и тем окончательно подчиняет себе мужика. Так Гитлер беспрерывно поддерживает теutonскую воинственную лихорадку и тем расширяет и укрепляет свое влияние.

И пределов углублению и расширению власти практически не существует, за исключением волн янца, этой власти подчиненных. Если же этой волн нет, то нет и пределов для власти. Поэтому, самый распространенный грех властей предержавших есть превышение власти и злоупотребление властью.

Подобно тому, как неопытного шофера опьяняет сила машины, так диктатор, вышедший из низов общества, пьянеет от той колоссальной силы, которую он держит в руках. Тогда он становится опасен для народа.

Современный диктатор владеет всею мощью усовершенствованного

административного и полицейского аппарата — в его руках свобода человека. Владеет всею мощью развитой капиталистической системы — в его руках хлеб насущный. Владеет школой, аппаратом пропаганды, печатью — в его руках мысль человека. Он отменил религию, заменил ее собственной доктриной — в его руках дух человека. Личность сдавлена, стиснута, ей нечем дышать, она не смеет пикнуть. Владея личностью, владея армией, владея внешней политикой, владея всей страной, диктатор все же не может основаться, — его власть или перешагнет национальные границы и вызовет всемирную катастрофу, или начнет пожирать самый объект своей власти, а с ним и самое себя. Власть Гитлера привела мир на край войны, власть Сталина стояла уже России 30 миллионов человеческих жизней. Дело идет к концу.

Так беспредельное саморазвитие власти предопределяет ее падение, точно так же, как беспредельное саморазвитие свободы приводит к ее самоотрицанию.

Некоторые выводы.

Нужно понять, что демократичность и авторитарность суть противоположные, но не исключающие друг друга свойства одного и того же явления власти. Они служат разным общественным целям и разным общественным идеалам, но в явлении власти они присутствуют одновременно. Однако, демократия и диктатура суть формы власти, т. е. конкретизация и осуществление на практике вышеупомянутых свойств. Демократия есть осуществление и крайнее выражение демократичности, а диктатура есть осуществление и крайнее выражение авторитарности. И, как формы противоположных свойств, они полностью друг друга исключают. Демократия не переносит диктатуры, а диктатура уничтожает демократию.

Но являясь воплощением свойства одного и того же явления власти, они друг без друга жить не могут и потому мало устойчивы. Каждая из них в отдельности не может удовлетворить всех нужд и потребностей народа и государства, т. к. ей недостает свойств другой. Диктатура хотела бы обладать демократичностью, чтобы быть более приемлемой для народа, демократия хотела бы обладать авторитарностью, чтобы быть более действительной. Каждая мечтает о свойствах другой. Они страстно стремятся друг к другу и осуждены ненавидеть друг друга. Будучи навеки непримиримыми врагами, они друг без друга задыхаются.

Вот почему народы, обладающие одной из этих форм, осуждены на колебания и на переходы к другой форме — противоположной, т. к. ни условия существования людей, ни общегосударственные цели не остаются неизменными. И счастливы народы, умеющие сохранить полное воплощение явления власти — свою монархию. Монархия по самой природе своей стоит выше спора диктатуры и демократии и только ей доступен синтез демократичности и авторитарности.

О формах власти

Размеры статьи не позволяют нам продолжить анализ явления власти с надлежащей подробностью. Деление общественной зависимости людей

отношения, различия их друг от друга и влияние на формы власти в разные эпохи развития общества и государства мы откладываем до следующей статьи. В частности, появление Христианства, внесшее новое и могучее содержание в духовную жизнь человечества, заслуживало бы подробного рассмотрения, т. к. оно имело большое влияние на развитие форм власти и в особенности обогатило духовное содержание монархии. Точно так же, развитие науки в новые века внесло новое и могучее содержание в материальную жизнь человека и полностью изменило характер его экономической зависимости, а с ней и формы экономической власти.

Все это составит тему и содержание нашей следующей статьи.

А теперь наше исследование продолжим описанием форм власти, начиная с примитивных.

Примитивные формы власти.

Наиболее древней и вечно возрождающейся формой власти нужно считать власть отца над семьей. Семья, это — первая и, притом, органически складывающаяся общественная ячейка.

«Нет между ними ни сходбищ народных, ни общих советов;
В темных лещерах они или на горных вершинах высоких
Вольно живут. Над женой и детьми безотчетно там каждый
Властвует, зная себя одного, о других не заботясь»

Так охарактеризовал Платон стихом из «Одиссеи» наиболее примитивное состояние человеческого общества.⁶⁾

Нам, с нашим разграничивающим умом, трудно постигнуть, как понятия первого властелина — отца — кормильца, защитника и хозяина, потом старшины в роде и патриарха в племени, иногда богатыря, героя и, в то же время, жреца — служителя культа, мага, полубога и бога, смешивались в примитивном мозгу и непосредственно переходили друг в друга.

Основной принцип первобытных форм власти, это — единство власти. Один отец в семье, один старшина в роде, один вождь в племени. Очевидно, первичные общественные организмы были тем устойчивее в жизненной борьбе, чем были объединеннее, т. е. чем строже соблюдался принцип единства власти. Тесный симбиоз семейного, родового и племенного организмов с их средствами существования — с их охотничьим, скотоводным или земледельческим хозяйством — также требовал подчинения одному — самому старшему, или самому сильному, или самому опытному, ибо нарушение этого принципа, очевидно, неизменно влекло за собой развал ячейки, а может быть, и голодную смерть ее членов, а соблюдение — процветание, устойчивость и дальнейшее размножение.

Таким образом, через закон выживания организмов наиболее устойчивых, закреплялся и сохранялся принцип единства власти.

Власть была одна во всех отношениях. Вожди правили хозяйством племени, водили его в бой, приносили жертвы и творили суд и расправу. Первобытные римские цари, например, правили народом, как водители

⁶⁾ Платон. Законы.

войска, жрецы и судьи. Боги тогда становились героями и героями богами. У многих античных народов не было отдельной касты жрецов. (С. Франк.)

Иначе говоря, власть политическая, экономическая и духовная в древнем мире была слита в личности вождя. Древний вождь был «тоталитарный» вождь, а в хозяйстве царствовал первобытный коммунизм.

Власть смягчалась первоначально близостью родственных отношений. Ту упорядочивающую роль, которую у нас играют законы, общественный контроль и культура, тогда выполняли строгий семейный, родовой и племенной уклад и обычаи, возвышавшиеся до религиозного обряда.

Но там, где родственной кровной и племенной близости не было, напр., по отношению к военнопленным и пришлому элементу, там власть, оставаясь той же самой по существу, немедленно принимала рабовладельческий характер. Таково общее свойство всякой «тоталитарности». Неограниченная власть над человеком и неограниченная власть над тем, что добывает человек для своего пропитания, и есть политическая и экономическая власть, объединенная в одних руках, или рабовладительство.

То же самое происходило везде, где нарушалась строгость семейного, родового и племенного уклада, т. е. где половая жизнь принимала беспорядочный характер, т. е. нарушение органического развития семейных, родовых и племенных ячеек влекло за собою нарушение естественных прерогатив самих творцов первобытных общественных организмов: отца, старшины, патриарха, вождя. Над принципом органическим верх брал тогда другой принцип — тоже естественный, но скорее механический, т. е. верх браа самый сильный.

Власть сильного над слабым?) внутри племени и захват власти самым сильным из племен нарушали уклад, коверкали обычаи, создавали рабство и даровой труд. Предание и библия сохранили нам много имен народов, царств и городов, погибших в крови, насилии и разврате. Однако, власть силы и рабовладительство суть выражения все того же принципа выживания наиболее сильного и наиболее приспособленного и потому именно они характеризуют древнюю государственность.

Явление рабовладительства имеет свои законы. Чтобы содержать войско, нужны были земли и рабы, а чтобы защищать рабов и землю, нужно было войско. Эта необходимость красной нитью проходит через всю историю Египта, Вавилона, Греции и Рима и всех древних государственных образований.

С неизбежностью судьбы она заставляла раньше свободные земледельческие и охотничьи племена покоряться рабовладельческой гос. системе. Только хищные скотоводы — кочевники не подчинялись этому правилу и против них то и приходилось заводить регулярные дружины. И та же военная необходимость в средние и новые века влияла на образование вотчинного хозяйства и крепостного права в Европе и в России.

?) О превосходстве силы и качества. — С. Е. Десницкий — первый русский профессор правоуправления и ученик Адама Смита основой власти одних людей над другими считал: 1) «превосходство в качествах телесных, как то: дебелость и крепость тела необыкновенные; 2) превосходство в качествах душевных, как то: хитрость, предвидение, проворство, прозорливость; и 3) превосходство в богатстве и изобилии всего».

Олигархии и аристократии.

С зарождением государственности и развитием общественной жизни должны были проявиться и другие общественные свойства природы человека и создать новые формы власти. Стремление родственных племен соединить свои силы для самозащиты создавало военные союзы. Союз вождей отдельных племен, т. е. союз сильных явился следующим этапом в естественном образовании форм власти. Он положил начало новой форме правления — организованного и авторитетного меньшинства над неорганизованным большинством. Таковы первобытные олигархии и аристократические республики Греции и Рима.

Аристократическая власть немногих есть власть организации и разума над неорганизованной стихией, т. е. власть качества. С нею появляется первый эмбрион гос. аппарата, первые законодатели, как Моисей, Солон, Ликург и первые точные понятия о праве власти.

Чтобы не возвращаться к этому вопросу, необходимо теперь же отметить, что власть аристократическая давно уже утратила свою верховность. Если и теперь повсюду, в том или ином виде, сохраняется аристократия и правящий отбор, то нигде нельзя найти теперь верховной власти, подобной спартанским эфорам, римским децимвирам или венецианскому совету десяти.

Древние демократии.

В дальнейшем движении борьба народа за свои права превращает олигархии в демократии. Там, где создавались на то благоприятные условия, большинство народа заявляло свое право на решение тех или иных общественных вопросов, доказывая его мордобоем на вечевых сходках. Таковы были поздние Афины и наш Господин Великий Новгород.

Позднее, когда догадались, что проще подсчитать голоса, нежели пробовать силы на практике, начали прибегать к голосованию. Отсюда новая форма власти большинства над меньшинством или власть количества.

Большинство, получая в процессе обсуждения и голосования какую то, хотя бы и очень примитивную организованность, становилось непроборной силой и заставляло служить себе и аристократическое меньшинство и отдельных талантливых вождей, выбирая их на общественные должности, как исполнителей своей воли. Таково зарождение демократии и выборного начала. След., демократия не власть всех, а власть большинства. Это замечание применимо и к современным демократиям. Демократичность же древних, вообще, была весьма относительна, т. к. рабовладельчество было основой всей их хозяйственной жизни.

Все же, с появлением демократий развиваются первые понятия о правах народа, о правах человека и гражданина. На первый план выдвигается правда и нужда людского количества.

Власть на срок, постоянный контроль, законодательная инициатива народного собрания и т. д. показывают, что основная черта демократий есть недоверие, возмездное в систему. Цель всей системы — сделать интерес большинства волей правительства. В результате, произвол власти сильно сокращается, жить народу легче, свободнее, но сокращается и действительность власти, т. к. воля правящего теряет свои самые драгоценные качества: иници-

циативу и быстроту решений. То, что выигрывается во внутри государственной жизни, теряется во внешней безопасности. Для войны демократии плохо приспособлены.

Полное свое развитие демократии получают только в новые века, в либерально-капиталистическую эпоху.

Диктатуры.

Развитию демократий всегда мешала и мешает война. По мере дифференциации государств и определения ими своих национальных границ, народ начинал созывать себя неким единым целым. Чувство единства и целостности особенно усиливалось, когда государство сталкивалось с соседними народами, противопоставляя себя им. Здесь можно даже вывести некоторое подобие закона. Чем сильнее единение внутри государства, тем больше разъединение во вне между государствами. (Так в наши дни мы можем наблюдать вражду и недоверие, окружающие сильно объединенные Германию и Италию). И наоборот, чем сильнее разъединение и вражда между государствами, тем сильнее единство внутри государств. (Так германская опасность прекращает, напр., классовую борьбу во Франции).

Все это естественно. В войне опасность грозит одинаково и сильным и слабым, и большинству и меньшинству, и бедным и богатым, — отсюда сознание общего интереса и общей солидарности.

Борьба за национальные границы ограничивает народ от всего остального и в его сознании, и на практике.

Представлению национального целого, усиленному любовью к родине и инстинктом самосохранения, подчиняются все лица, все классы, все части данного государства. Отсюда новая и, притом, верховная власть целого над частью.

Это — власть духовная и материальная в одно и то же время, т. е. исходит она из обобщающей способности человеческого духа, однако, подчиняет и втягивает в себя все материальные силы государства и сама становится колоссальной силой, источником национального динамизма. Причина проста: целое больше части — этот принцип определяет соотношение вещей в природе и в мозгу человека; это — и математическая аксиома, и закон логики, подчиняющий наше мышление, поэтому он легко воспринимается массами.

Но национальное целое, это — не только большинство плюс меньшинство; это — и территория государства, и вся атмосфера народного бытия, и миссия народа, как он ее понимает, его слава, честь, память в веках, подвиги, жертвенность и кровь предков, и весь колоссальный труд, который нация вложила в свою землю, одним словом, все духовные и материальные ценности народа. В национальном целом звучат и голоса мертвых и голоса еще не родившихся, в нем прошлое нации, в нем ее будущее. Поэтому оно больше меньшинства, больше большинства и больше их, вместе взятых.

Чувство целостности, это — гений нации, цемент ее скрепляющий и гарантия ее жизнеспособности. Мощь национальной мистики в некоторые исторические моменты — выше мистики свободы, выше личного эгоизма и выше личной совести.

Повторяю, все эти мысли и чувства особенно ярко загораются в минуты опасности, грозящей Родине.

Но во время войны всегда происходит концентрация власти в едином центре — в единой личности. Во время войны любя демократия становится диктатурой, как в наше время Франция при Клемансо и Англия при Ллойд-Джордже.

Очевидно, чтобы родилась победа, нужен «отец победы». Древне-Римская республика чувствовала это и мудро вручала власть императору, который становится олицетворением и знаменем национального единства.

Полнота духовной и материальной власти делают государство чудесным, послушным и могучим орудием в руках вождя. А полнота народного чувства, сосредоточенного на вожде, делают его самого сверх-человеком, способным на сверх-дела.

Национальное целое духовно воплощается в личности, наделяя ее всей государственной силой. А вождь одушевляет целое живой упругой личной волей, снабжая его активным началом.

Государство же, с своей стороны, только подчинившись, приобретает разум, гений, целеустремленность и быстроту решений единой человеческой воли. Весь практический смысл диктатуры в том, что мощь государства становится мощью личности, а гений личности становится гением нации. Поэтому власть целого над частью полностью проявляется только, как власть личности над целым. Диалектический переход власти целого в конкретную и живую личную волю создал Цезаря, Александра, Наполеона и всех великих народных вождей.

След., диктаториальная форма власти образуется из силы, всего национального целого, подчинившейся единой личной воле ради какой либо великой национальной цели. Поэтому диктатура всегда временна, т. к. с достижением или с потерей цели она теряет все свое духовное оправдание и превращается в тиранию.

Характеристика самодержавной монархии.

Монархия есть прообраз и завершение всего органического, т. е. плотски-духовного развития человеческого общества.

В жизни органически-плотской царствует принцип выживания наиболее приспособленных. В жизни органически-духовной, т. е. общественной, только та концепция и то общественное построение оказывалось наиболее приспособленным, которое соблюдало принцип единства во множестве.

Семья, род, племя, нация, империя в каждый данный момент и на протяжении веков были тем крепче, тем устойчивее, чем были объединеннее. Ни кровного родства, ни сговора, ни взаимной материальной заинтересованности для объединенности не достаточно. Общественный организм действует, как единое целое, только тогда, когда им правит единая воля. А воля есть принадлежность личности. Значит, нужна властвующая личность и, притом, единая.

Отец над семьей, старшина над родом, патриарх или вождь над племенем, монарх над нацией, император над империей — вот линия органического развития монархии. Таким образом принцип единства во множестве, т. е. в данном случае единовластия, выжил и закрепился на все по-

следующее развитие человечества вместе с организациями наиболее устойчивыми.

Зародыш монархии — во власти отца над семьей и хозяина над землей. Но в колоссальном интервале между первой семейной ячейкой и развитой монархией должны были проявиться другие общественные силы, свойственные человеку, и создать другие формы власти. Проявилось качество, разум, организация — в аристократии. Проявилась сила и жажда справедливости большинства, количества — в демократии. В трагические моменты и в периоды отсутствия монархии проявилась власть личности над целым — в диктатуре.

Все эти формы власти продолжают жить и поныне — старая классификация Платона и сейчас сохраняет свое значение; но одна за другой они теряют свою верховность, т. к. верховна по природе только монархия. Эти формы власти становятся служебными и тем обогащают монархию, т. к. едина власть, но многообразны ее проявления.

С появлением христианства человечество поняло, что един Бог, но многообразно Его творение, — и монархия получает сверх органического и хозяйственного еще и духовное оправдание: «Бог на небе,—Царь на земле!»

Бог — небесный Творец всего земного. Царь — земной творец всего небесного. Правда с неба через монарха спускается на землю, воплощаясь и осуществляясь в его власти.

Оправдание демократии — в свободе и справедливости. Оправдание диктатуры — в гениальности и действительности. Оправдание монархии — в ограниченности, в духовности, в стремлении народа к правде.

Власть Бога — власть Творца над сотворенным. Отец и хозяин творят, строят тот мир, которым управляют. Творчество монарха из ацтовского, органического естественным образом переходит в высшую духовную область.

Благодаря чисто органическому принципу преемственности власти от отца к сыну жизненность монархии естественным порядком приближается к вечной жизненности нации. Только монархия осуществляет единство власти во времени. Монархия имеет третье глубинное измерение в делах предков и в надежде на потомков, тогда как другие формы власти приспособлены, главным образом, к текущему моменту.

Вольно или невольно, монархия становится как носительницей народных идеалов и национальной миссии в мире, так и хранительницей национальных традиций. Поэтому высокий земной смысл существования монархии — в осуществлении идеального будущего народа на основе его прошлого.

Монархия связывает прошлое нации с ее будущим нитью живой жизни. Посредством монархии нация преодолевает власть времени. Долговечность власти, долговечность традиций, долговечность идеалов, долговечность целей достигается долговечностью крови. Именно потому, что все другие формы власти приспособлены, главным образом, к текущему моменту, выполнение национальных задач, рассчитанных на сотни лет, по плечу только монархии.

Монархия связывает духовную и историческую жизнь нации со своим материальным бытием — длительностью в веках. Только эта форма власти в естественном порядке осуществляет живую связь духовного с органическим, общего с личным и прошлого с будущим. Поэтому в какой то мере монархия основывается на самой непреодолимой власти в мире — на власти вечного над преходящим. Вот почему время всегда на стороне монархии.

Главная же ценность монархии в том, что власть личности над целым превращается во власть династии над историей страны. Целые периоды национальной истории народов, во много сотен лет, бывают окрашены в цвета одной определенной династии.

Маркс мечтал, что когда люди будут строить хозяйственную жизнь страны по плану, то тем самым они предопределят свое личное будущее и судьбу национальную историю. — Они сами будут создателями своей истории, вырвутся из под власти диких стихийных сил.

Мне кажется, что учесть все силы, управляющие жизнью, значит учесть бесконечность. Однако, насколько это было достижимо, люди всегда стремились этого достигнуть. Именно тем, что в течение нескольких сот лет страна подчиняется одной и той же определенной династии, с определенным и известным семейным характером, наследственными склонностями, одними и теми же традициями и методами воспитания, именно этим она и строит свою историю в определенном направлении, предопределяет свое будущее, защищается от неизвестности.

Если мы желаем возвращения именно Романовых на русский трон, так потому, что мы их знаем и они нас знают. Этим мы хотим строить наше будущее и будущее России. Нам заранее, напр., известно, что если мы и не получим, может быть, такой уж... социальной из социальных справедливостей (демократическая справедливость и русская правда — вещи разные), зато Великая Империя Российская заблестит всеми огнями своей былой славы.

С другой стороны, от отцовской власти в семье монархия унаследовала ее беспристрастие, ее сверхличность, ее неоспоримость, возвысив их по своим масштабам в надклассовость, в надпартийность, в наднациональность, — в независимую, Божию, но не людскую милостью власть.

Отцу дорого, прежде всего, благополучие не какого либо отдельного члена семьи, но целой семьи. У монарха первая забота о стране — целостность страны.

Та власть целого над частью, которая у диктатора превращается во власть личности над целым, только благодаря исключительным событиям, главным образом, войне, а иногда, просто напросто, насилию, у монарха является естественной принадлежностью его положения, благодаря инерции, привычке народа к определенной династии, памяти о прошлом, о подвигах и трудах предков монарха, т.е. благодаря признанию народом главенствующего положения царского рода, а не личности. Поэтому, его власть всегда носит более мирный и менее абсолютный характер, нежели власть диктатора. Неоценимое и неоцененное свойство монархии в том, что она без потери авторитета допускает свободу и в то же время не боится войны. Войны, и успешные, у нас вели и императоры и юбки.

Следовательно, высший духовный смысл монархии — в воплощении и в осуществлении национальной правды в стране.

Высший земной смысл монархии — в осуществлении идеального будущего народа на основе его прошлого.

Высший, скажем, «организмический» смысл монархии — в естественном возглавлении народного общественно-духовного организма, согласно принципу единства во множестве и во времени.

Высший «динамический» смысл монархии — в создании, в осуществлении и в охране власти национального целого над частью.

И, наконец, высший практический смысл монархии — в желании народа застраховаться от неизвестности.

Немножко полегши.

На этом мы бы и могли закончить характеристику форм власти, но не могу оставить без рассмотрения утверждение некоторых слишком уж демократических мыслителей. Они утверждают, что демократически-республиканский строй более совершенен, нежели монархический, что республика, мол, есть шаг вперед на пути прогресса по сравнению с монархией. Эта мысль показывает лишь очень слабое понимание явления власти. Она равносильна утверждению, что очки, микроскоп и телескоп суть более совершенные органы зрения нежели глаза.

Нужно иметь глаза, чтобы видеть, а чтобы лучше видеть, можно потом приспособить к ним какую угодно систему очков, микроскопов и телескопов.

Нужно иметь монарха, чтобы управлять, а чтобы лучше управлять, можно потом приспособить к нему какую угодно систему правительства.

Государство есть система, машина, организация, но содержимое этой организации есть народ, нация, общественно-духовный организм.

Я бы сказал: имейте царя для народа и правительство для государства. Монархия сама по себе не система, а природное возглавление народного организма. Имея монархию, можно иметь любую правительственную и любую экономическую систему: демократическую, как в Англии, буржуазно-аристократическую, как в Японии, социально-демократическую, как в скандинавских странах; можно даже позволить себе роскошь завести диктатуру, как в Италии, и младороссы, между прочим, имеют и право, и основание проповедывать советскую монархию.

А республика, это — только правительственная система без органического возглавления — очки без глаз.

Примеры английской, итальянской и скандинавских монархий нам убедительно показывают, что даже полное отсутствие практической власти у монарха несколько не уменьшает ни его авторитета, ни уважения, ни любви к нему народа. Здесь ясное и неопровержимое доказательство того неизмеримой глубины духовного содержания монархической власти, которое не видят плоские материалистические мозги и которое не может быть ни отнято, ни заменено, ни ограничено.

Монархия у англичан, как будто, не имеет никакой власти. Однако, удивительный государственный инстинкт этого народа не позволяет им выбросить за окно это «средневековое учреждение», не позволяет даже юридически ограничить его в чем либо. Формально у англичан абсолютная монархия. И благо им, — монархия позволяет им при всех обстоятельствах чувствовать себя едиными и прочными. Она создает их невероятную смелость во внутренних реформах, — даже полная фактическая самостоятельность доминионов не нарушает их имперской целостности. В чем здесь секрет? — Демократическая республика стремится к самоуправлению, и потому она не обладает единством власти.

Диктатура по самой природе своей есть единство власти, и потому она не может допустить никакого самоуправления.

Монархия качественно выше и той, и другой, и потому ей доступно и единство власти и самоуправление.

Английские доминионы суть независимые самоуправляющиеся общественные организмы, и, все же, монархия объединяет их между собою и с метрополитенской своей высшей духовной властью.

Именно потому, что монархия менее примитивна, нежели диктатура и республика, она допускает свободу и не боится войны.

Именно потому, что она обладает духовной властью такой качественности, которая не доступна ни диктатуре, ни республике, она может замещать и ту, и другую.

Именно потому, что монархия есть власть наследственная и династическая, независимая ни от меняющихся тенденций, доктрин и взглядов, ни от реального соотношения сил в стране, она всегда может приспособить свою власть и к господствующей доктрине и к реальному соотношению сил.

Монархия есть тот гибкий, устойчивый, естественно-возглавляющий страну орган, который может справиться со всякой политической и экономической обстановкой внешней и внутренней. Нужно только, чтобы это понимали и страна, и правящий отбор, и сам монарх.

Демократия лучше бы сделала, если бы спорила не с монархией, где она вступает в область ей чуждую и недоступную, а с диктатурой — своей прямой противоположностью. Тем более, что если она имеет какие либо шансы когда нибудь существовать в России, то только под верховною властью и покровительством монархии.

А что такое республика? — Это не больше, как обезглавленная монархия. Голова искусственно приставляется к народному телу каждые четыре или семь лет и потому она глубоко безразлична народу. В результате, все духовные токи власти нарушены — действуют только юридические. Все богатство гаммы этих токов исчезает. Власть теряет свою национальную многоцветность — свой национальный тембр. Верховная власть национального целого юридически переносится на большинство, а фактически расплывается по всему народному телу и немедленно узурпируется отдельными партиями и классами общества в собственных интересах — и апеллировать уже не к кому. Надеяться уже можно только на собственную силу и число. Республиканская демократия теряет уверенность, теряет спокойствие. Лучшие народные умы постоянно полны тревоги. При малейшей внешней опасности или при внутреннем столкновении классовых сил, пресса закатывает панику: ах, разлеземся, ах, разлетимся, ах, расплоземся во все стороны.

В чем дело? — Страна богата, страна сильна и сама по себе, и своими союзами. Азия — лучшая в мире. Укрепления на границах — нерассудливы. Каждый знает про себя, что долг перед Родиной выполняет. Откуда же этот первичный позорящий страх?

А дело в том, что чувство народной целостности не находит себе пристанища. Оно не имеет центра, вокруг которого оно могло бы сконцентрироваться, не имеет лица, на ком сосредоточиться, не имеет образа, на ком успокоиться. Власть целого над частью в каких то классовых руках, к которым нет доверия. А сильным демократам, прежде чем драться с врагом, совершенно необходимо додраться друг с другом. Поэтому, каждый из них молча и страшно про себя надеется: в последний трагический момент явится новый «отец побед», вздернет страну на дыбы, прихлопнет все

демократические свободы, объединит всех военной и национальной дисциплиной и пошлет на фронт.

Вот почему в России, которой, как показывает история, чуть ли ни каждые двадцать-тридцать лет приходится, если не воевать, то готовиться и войне, возможны только два строя: или диктатура, или монархия.

Россия — с ее огромностью, с ее измученностью, с ее неуспокоенностью — нуждается в монархии, как в хлебе насущном. Отрицать это могут только люди, которым доктрина дороже Родины.

Н. Гаев.

С. ПОПАНДОПУЛО.

Религиозная вера, как фактор общественной жизни

Является ли наказание правонарушителя (применение санкций) и страх, внушаемый этим наказанием другим людям, той главной основой, на которой держится общественный порядок?

Такой взгляд уже давно забракован наукой, и его ложность установлена вволю. Но в практической жизни он не изжит и вряд ли когда либо будет изжит окончательно. И не только потому, что наука никогда не получит достаточного распространения, а потому, главным образом, что теоретические и научные взгляды людей очень часто не совпадают с их практическими представлениями, остаются какой то изолированной областью, не приобретающей подлинного влияния на их мысль, чувства и поведение.

Еще более распространен (и именно не как теоретическое воззрение) взгляд очень близкий к предыдущему с точки зрения логической, но чуждый ему по духу: взгляд, отнюдь не связанный с мнением, будто принуждение и страх являются главной опорой общественного порядка, отнюдь не сопряженный с расчетом на насилие и террор, но согласно которому можно установить в любом обществе любой порядок при помощи «писанных» законов: стоит, дескать, нам позаимствовать конституцию, веками сложившуюся в некоторой очень культурной стране, и у нас все пойдет, как там. Практически этот взгляд сказывается в недооценке исторического прошлого, традиций, обычаев, культурного и вообще психического состояния той или иной общественной среды.

Нашей отечественной катастрофой мы во многом обязаны этим двум взглядам.

Второй из них отличается явной непоследовательностью — и именно в том, что в нем нет расчета на насилие и террор. Действительно, если, например, какая-нибудь власть вздумает вводить в подвластной ей стране совершенно новый, непривычный порядок, просто изменив соответствующим образом законы этой страны, то чем может она обеспечить подчинение этим законам своих подданных, как ни санкциями, т. е. террором? Итак, при критическом рассмотрении, второй взгляд логически приводит к первому. Что же касается первого, то тут следует отметить следующее.